

Хён Чжэ Ха сидел на диване, скрестив руки, когда вернувшийся с кухни мужчина подал кофе. Тот подмигнул ему, будто прекрасно слышал всё, что о нём говорилось. От этого намёка «надеюсь на вашу поддержку» Хён Чжэ Ха лишь посмотрел на чашку перед собой. Аромат кофе из машины был мягким, но совсем не тянул. Разве что его можно было счесть полезным в одном — немного заглушал вибрирующие феромоны.

— Разве ты не притащил его из-за то, что он занял первое место на конкурсе?

— Так и было. Но... — Нам Гун Хёк скривился.

Он тогда сам увидел его победу на телешоу кулинарных состязаний и лично пригласил. Но теперь, похоже, был чем-то крайне недоволен.

— Нет умами. Любое блюдо, хоть простое яичко-глазунья, должно иметь вкус умами. С такими руками как ему доверить кухню? — Нам Гун Хёк, хлопая ладонями по дивану, кричал, и в ответ на это шум из кухни становился только громче. Один был недоволен, другой жаждал получить место повара в ресторане, а между ними Хён Чжэ Ха лишь тяжело вздохнул.

— Прекрати. До открытия осталось ничего. Если на таком пустяке всё рухнет, что ты будешь делать? Если старик взбесится, он похоронит все твои приготовления. Ты сам же говорил, что хочешь вырваться из этого грязного «денежного дела» и стать настоящим хозяином бизнеса. Забыл? —

С самого начала ради «чистого» бизнеса он пришёл к Хён Чжэ Ха, и тот помог с местом, интерьером и прочим. До открытия оставалась всего неделя, а у Нам Гун Хёка снова разыгрались капризы.

— Еда должна быть вязкой, наваристой, насыщенной умами, но при этом с чистым послевкусием. Вот так. — Он откинулся на диван, бормоча себе под нос. — Именно такой вкус...

— Что ты несёшь. — Хён Чжэ Ха поднялся. Он терпел до сих пор, но хватит. — До открытия неделя. Разбирайся сам. Хочешь — нового человека приводи, хочешь — этого переделывай. — Он швырнул ему рекламный буклет и ушёл.

Буклет, хлопая на лету, прилепился к телу Нам Гун Хёка и, похоже, из-за жидкости не отлипал. Тот смотрел на прямую спину уходящего Чжэ Ха, облизал губы. Казалось, он уже достаточно придавил свои чувства, но при одном его виде в груди снова вспыхивала жажда. «А если бы сейчас он оставил Кан Ха Джуна и пришёл ко мне... — криво усмехнулся он. — Да разве он придёт? У того жених есть, не бросят же ради меня». Раздражённо растрепав волосы, Нам Гун Хёк сел прямо.

Он вспомнил вкус пищи того кандидата. Вроде бы неплохой, но после недавнего хеджангука его еда казалась сумбурной, словно туда накидали всего подряд. А ведь тот хеджангук был из

захудалой забегаловки — но вкус оказался неожиданно насыщенным, деревенским, и в то же время лёгким, так что молодёжь его бы тоже оценила. Нам Гун Хёк прищурился:

— Может, и долг вернёт, и на кухне пригодится? Тогда и деньги свои не потрачу, и повара вкусного получу. Два в одном.

Ха Ныль спал, раскинувшись крестом, тихое посапывание смешивалось с тяжёлым вздохом.

— Мало... — Ын Юль сжал волосы, словно вырывая. Перед ним лежали раскрытые банковские книжки: счёт на жизнь, заначка, образование Ха Ныля, будущее Ха Нылы, карманные деньги Ха Нылы, накопления, даже книжка по ипотеке — на каждой была сумма. Всё, что он зарабатывал, всегда раскладывал по разным счетам. Теперь он разложил их, чтобы посчитать всё вместе.

— Даже если мне тяжело, трогать деньги Ха Нылы... ха. Главное ведь, чтобы я сам не рухнул, верно?

По сути, чтобы спасти себя, пришлось бы вскрыть все счета. Но сердце не позволило: хотя бы детские счета хотелось защитить до конца. Долго колеблясь, он отодвинул пять книжек и оставил лишь две: счёт на жизнь и заначку. Только ими он мог оплатить долг.

— Сначала так. А если в самом конце уже выхода не будет, тогда... —

Да, за годы лишений там скопилась приличная сумма. Этого хватало, чтобы закрыть основной долг.

— А что делать с процентами? — пробормотал он, глядя на книжки. Основную сумму выплатить можно, но проценты... Это и было камнем преткновения. Он вспомнил, что обычно делал Нам Гун Хёк с теми, кто не платил вовремя, и отвернулся. Увидев невинное лицо спящего сына, его охватил страх.

Кан Ха Джун заглушил двигатель и посмотрел на низкое здание. Улыбнулся с горечью. С утра пораньше он не собирался есть хеджангук, так зачем приехал? Просто руки сами привели его сюда.

— Всё равно ведь, если я приеду, Сон Ын Юля не увижу. — Он откинул голову на подголовник. Имя всплыло само. Сон Ын Юль... Подумав о нём, он и оказался здесь.

Глядя на забегаловку, он вспомнил первое знакомство с тем. В тот день ему нужна была чья-то теплота. Некогда было искать кого-то «лучше», и он выбрал его. Было неплохо, хоть и казался он смешным, когда вёл себя будто любимый. Но когда тот слишком перешёл границы и протянул руку даже к Хён Чжэ Ха, он рассердился.

Хён Чжэ Ха был самым прямым и чистым человеком, которого он знал. Как белый лист бумаги. Его никто и никогда не осмеливался тронуть. А Сон Ын Юль взял ножницы и кинулся резать этот лист. С того момента прощения быть не могло. Ха Джун готовился его уничтожить. Удобно было и то, что он сирота — отрезать было легко, забирать только деньги. И он сделал это, использовал Нам Гун Хёка, всё отнял, толкнул в пропасть.

И вот когда оставалось только добить, в последний миг он изменил решение. Сон Ын Юль был, несомненно, отвратительным человеком: ради своей выгоды топтал других. Но в ту минуту, когда казалось, что это его конец, Ха Джун не смог отвернуться. Он бросил ему «гнилую соломинку» — пятьсот тысяч вон. Деньги достаточные, чтобы подняться, но для него самого — сумма пустяков, эквивалентная ночной попойке.

Интересно было, что он выберет? По его лицу, полном отчаяния, казалось, что тот всё бросит.

— Чего я жду? Надо просто зайти и вытащить его. Хоть умрёт не зря. — ворчал Нам Гун Хёк, но внезапно замолк. Он увидел, как Сон Ын Юль, шатаясь, выходит из гостиницы.

— Как... возможно?.. — пробормотал он.

Нам Гун Хёк не мог поверить. Обычно у тех, у кого всё отбирали, лица были словно у мёртвых. А у него... Он не понимал, что изменило решение Сон Ын Юля.

А Кан Ха Джун в это время улыбался. Теперь он понимал: тогда он испытал восторг.

Вспомнив свою жизнь, он понял — всё время был трусом. Не сумел достойно встретить смерть матери, жил с ощущением, что ничего не осталось, и терял желание жить. Если бы не дед, возможно, всё бросил бы.

А Сон Ын Юль поднялся сам, без всякой помощи. Он оказался куда сильнее, чем казался. Поэтому Ха Джун заплатил все оставшиеся его долги и отпустил. Не из желания, чтобы тот где-то жил хорошо. Просто хотел, чтобы всё вернулось в то время, когда они не были знакомы, и он мог его забыть.

Его усталая походка — что в ней такого великого, что он, Кан Ха Джун, сам черпал из неё силы? Но именно так и вышло: чужая стойкость заставила его прикоснуться к правде, которую он так долго прятал. Будто кто-то кричал изнутри: «Вытащи своё желание наружу, покажи

миру свою тёмную сторону!»

Кан Ха Джун решил быть честным со своим желанием и готовился открыть правду. Даже когда Хён Чжэ Ха уехал учиться за границу и даже когда отец снова попытался сблизиться с ним — он двигался только к этой цели. Осталось совсем немного. Совсем немного...

Он резко поднял голову. Знакомый силуэт быстро приближался, становясь всё отчётливее. Когда фигура подошла настолько близко, что стало видно лицо, Ха Джун прищурился.

— Сон Ын Юль.

В прошлую встречу тот сиял такой беззаботной улыбкой, что и не признал бы. А теперь — будто готов был рухнуть в любую секунду, шаткий, неустойчивый. Его взгляд, не отрывавшийся от телефона, выдавал тревогу.

Когда Сон Ын Юль поравнялся с машиной, Ха Джун распахнул дверь.

— Ах! — взвизгнул тот, отшатнувшись назад и крепко сжав телефон в руке. Оглянувшись и узнав знакомое лицо, облегчённо выдохнул:

— Что вам надо?

— Ты меня даже не признал.

— С чего бы мне «признавать»?

— В прошлый раз смотрел прямо, а теперь будто и не замечаешь.

Потревожил человека и ещё упрекает — наглости у него хватало.

Сон Ын Юль обвёл взглядом окрестности. Это был его район, где он бывал каждый день. Проблема была не в месте, а в том, что здесь оказался Кан Ха Джун.

— Зачем вы сюда приходите?

— Хм... — Ха Джун провёл пальцами по подбородку. Сам и не знал, зачем пришёл. Если уж придирается...

— Из-за тебя?

— Говорите что-то более правдоподобное, — резко отрезал Сон Ын Юль. Он же видел этого человека насквозь.

Развернувшись, он пошёл дальше.

— Хоть вы и шастаете туда-сюда, старика сегодня не будет.

— Старика? — переспросил Ха Джун, догоняя.

— Хотите встретить его — ищите в другом месте. Тут он в ближайшее время не появится.

И только тут Ха Джун понял, что речь идёт о депутате Хан Чхоль Сыне. Вполне логично, ведь именно из-за него он снова увидел Сон Ын Юля.

— Смотри-ка, ты точно знаешь, когда он приходит.

— Я всех завсегдатаев помню. А уж этого человека легко запомнить, он всегда ходит по расписанию.

На этом Сон Ын Юль явно собирался закончить разговор — ускорил шаг. Но Ха Джун тоже прибавил, не отставая.

— Значит, я не завсегдатай.

— Сколько раз вы были? Два? Три? — Он прекрасно помнил точное количество, но сделал вид, что нет.

— Тогда считай, что мы просто знакомые.

— ...С чего это мне?

— Так у меня будет причина идти за тобой.

Сон Ын Юль бросил на него косой взгляд. «Совсем с ума сошёл. Совершенно поехал».

— А куда ты вообще идёшь? Разве ресторан не открывается только к обеду?

— Надо же готовить продукты. Закупка, подготовка — только тогда можно кормить людей. — Он фыркнул.

Ха Джун опустил взгляд, задумался на секунду, потом снова заговорил:

— Хочешь, с тобой схожу?

— ...В смысле «с тобой»? — Сон Ын Юль посмотрел на него, будто тот сморозил глупость.

— Раз уж дошёл до сюда, не хочется просто так уходить. Я помогу сумки нести.

— Решили по доброй воле стать носильщиком? Нет уж, спасибо. Мне будет только неудобно. Покупок много...

— Я в машину загружу.

...Сон Ын Юль посмотрел на блестящий седан, стоявший в стороне. Совсем не из-за того, что машина дорогая.

— И что, вы позволите забросать туда грязью? И потом не будете винить меня?

<http://bllate.org/book/14449/1277816>